

Гуревич Любовь. Рассматривая графику Олега Григорьева/ Олег Григорьев. СПб., 2018 (Авангард на Неве)

Наследие Олега Григорьева-художника составляет графика, живописные работы единичны. И по своей природе он не живописец, а график: не живопись с ее парением, но рисунок с его жесткой определенностью соответствует его взгляду на мир, его способу мыслить.

Рассказывая об особенно сильных впечатлениях СХШовского периода, Олег Григорьев назвал выставку Писассо 1956 года; панно Владимира Некрасова для новогоднего оформления зала Академии художеств – в таких случаях позволялось больше обычного, и Некрасов изобразил «какие-то небывалые инопланетные существа, причем душевно»; и еще рассказы Виктора Голявкина, тогда студента Академии, – все это, по его словам, открыло, что «искусство не подражание жизни, а иная жизнь, в которой все можно».

При этом он отнюдь не был отрешен от реальности («Олега воспитала улица», – отметил его одноклассник), напротив, ему присущ острейший к ней интерес, в том числе к самой униженной. И сколь ни фантастичны события в его стихах, они погружены в быт: у него «дедушка упал во щи», человека выкрутили и повесили на веревку.

Графика Григорьева, воспроизводя как реальное, так и сотворенное фантазией, совмещает полноты: способ изображения – то подробный, натуралистический, то – схематичный, знаковый; рисунок – то с обильной штриховкой, то – линейный; формы – то подчеркнута объемные, то – уплощенные.

Интерес к действительности проявился в точных зарисовках разнообразных предметов, живых существ, растений, архитектуры. А в других работах эти объекты обретают нечто, им в реальности не свойственное, или перетекают во что-то иное. Как в его стихах, где маленькая старушка со страшной скоростью катит ногой кабельную катушку размером с дом, в его графике – беременные мальчики, цветы, роящиеся в воздухе как мотыльки.

Его интересовали способы создания небывалых форм и существ. О том, как в этом смысле занимал Пабло Пикассо, свидетельствуют многочисленные копии и вариации его работ. Пикассо, кроме того, близок Григорьеву своим отказом ласкать глаз и сосредоточенностью на страдании. Человек искаженный: вывороченные, перекрученные и переплавленные формы, части тела, покинувшие свои места, их новые комбинации. В собственных композициях Григорьев применяет эти приемы упрощенно: человек может быть изображен наполовину спиной, наполовину – анфас. Фрагменты тела: голова, оскаленный в крике рот, кисть руки, грудь, ступня являются в его композициях самостоятельно. Голова одна, без туловища, взбирается по лестнице. Обломки тела разложены как заготовки, как натюрморт. Образность этого рода проникла и в его поэзию: «Не пришить ли мне к пятке ухо, Чтобы слушать молчанье подземное».

Кроме студий Пикассо, нашлась свободная копия с фигуры Жана Дюбюффе, опять-таки способ изображения человека, далекий от натуралистического. Есть на одном из листов имя Кейт Харинг, выдающее интерес к искусству радикальному, искусству лаконичного обозначения, в котором и сам Григорьев практикуется: у него для изображения человека бывает достаточно иероглифа из трех линий. Олег Фронтинский упоминает увлечение Григорьева Жоаном Миро, у которого «в кроне дерева появляется глаз и "растет" морковь». В графике Григорьева на животе женщины – замочная скважина, у хвостатого мальчика с копытами из тела выступает отросток, оканчивающийся головой птицы, мальчик его поливает из чайника. И в стихах: «Вдруг из меня

вырастает полено И превращается в новогоднюю елку, И я как бы крест к этой елке. (...) Как на листе нарисованный, Детьми совершенно спрессованный».

Об интересе к проклятым в СССР течениям свидетельствуют упражнения в абстракции. Иногда это комбинация плоскостей, повторяющая абстракцию кубистическую. Или напротив: скопище или спав объемных форм, словно бы зарисовки абстрактной скульптуры. Самостоятельные попытки создать абстракцию представляют собой листы, плотно заполненные чем-нибудь однородным: лентами, трубами и конусами, повторами ветки дерева, отростка растения. Волосы вне головы – уже абстракция. Опытов с абстрактным экспрессионизм или ташизмом нет, его интересует не цвет, а форма, само превращение фигуративной формы в абстрактную. Вот под нагромождением однообразных форм угадывается лежащая женщина, обросшая огромными отростками. Иногда срисовано нечто техногенное, какие-то агрегаты, абстракцией воспринимаемые из-за непонятности. Разные операции над предметом, например над гитарой, превращают его в абстракцию, но не полностью: части гитары узнаются. Чистой абстракции немного, в большинстве работ то ли остается, то ли появляется нечто узнаваемое, из сплава неопознаваемых то ли предметов, то ли комбинаций форм торчит головка ключа, кисть руки, глаз, ноздря. Очевидно, что больше, чем сама абстракция, его интересуют переходы. Его интересуют гибриды: «То, что свинчившись с другим, Становилось третьим чем-то». Свинчивается друг с другом все: предметы, беспредметные формы, люди, животные, растения.

Абстракция как направление в искусстве ему любопытна, но не соприродна. Его мышление конкретно и образно, сущность работы его мысли – сгущение, сдвиг, столкновение реального с гиперболическим и фантастическим, столкновения разнородного, он улавливает и передает удар от этой сшибки.

Длинен был бы список изображенных им живых существ: животных, рыб, насекомых. Множество рисунков выполнено досконально, с передачей психологии, иногда с выражением, не побоюсь этого слова, трагическим, в ужасе или в ярости, с открытой пастью или клювом, что опять же напоминает о Пикассо. Есть прямо-таки «пикассистые» быки и лошади, петух с двумя глазами в профиль. Есть изображения фрагментов тела: куриные ноги, птичьи и рыбы головы, черепа. Есть животное без кожи – обнаженные мышцы и кости, но стоящее на ногах. И множество преобразований. У курицы вместо крыльев три отростка. Лягушка с рыбьим зубастым ртом размахивает конечностью, похожей на куриную ногу. Существо с лошадиной головой, человеческими ногами и одной ягодицей. Неопознаваемые создания. Невозможные существа.

Предметов так же множество и так же изображенных то реалистически, то приобретающих свойства иного, иногда живого. У щипцов для натягивания холста обнаруживается глаз и зубастая пасть, они агрессивны, сцепились друг с другом, надпись: «рви, руби, выворачивай, бей». Среди изображенных точно преобладают скромные, состарившиеся, пришедшие в негодность, измятые, обездоленные: пупс без ноги или с перевязанной головой, покореженные, продырявленные чайники и мусорные бачки, цепь, крюк, швабра, мягая одежда, хомуты. Иногда предметы изображены реалистически, но перенимают повадки людей: ключи образуют толпу. Он любит множить: собрание чайников, бочек, метелок (в которых педалируется их происхождение от растений) и веников, противопожарный стенд с преувеличенным количеством красных конусных ведер – может быть, коммунальная скученность нашла тут выражение. И словно от тесноты в его композициях все уплотняется, скрещивается: у кофейника – голова девушки, у бочки – свиная голова, у лестницы – руки и ноги, у купола храма – носик чайника, из него течет вода. А реалистичные, если можно так выразиться, «натюрморты» иногда похожи на учебное

пособие: разъятая мясорубка, мясо, тут же свинья – он сдвигает внимание с мяса как пищи на живое существо, тело, которое едим. А иногда – с существа на его тело: таков, опять-таки, если можно так выразиться, «натюрморт» с внутренностями живота: кишки, кровеносные сосуды, бактерии под микроскопом... к чему присовокуплена – неожиданный, но чувству внятный аккорд – бабочка. Натюрмортов в обычном понимании, т.е. нескольких расставленных на плоскости предметов, немного, они просты, как правда: бутылка, стакан, спички; чаще предметы, словно под влиянием притяжения, слипаются в ком, как это бывает на экслибрисе: книга, вилка, булавка величиной с вилку и какие-то неопознаваемые объекты. Неопознаваемое – то ли предметы, то ли просто соединение форм – смыкает изображения вещей с упражнениями в абстракции.

Люди у Григорьева реже, чем животные и предметы, изображаются натуралистически, обычно эскизно, схематично или тоже в соединении с чем-то иным. Вот женские ноги и ягодицы, а выше – абстрактная скульптура. Или снизу – арка, сверху – грудь, шея, голова. Или женское тело без головы, шея заканчивается отверстием, как труба. Или – черный юмор – женский торс перетекает в унитаз. Существо с человеческим телом, свиным хвостом, на тонкую шею надета огромная свиная голова. Разгул фантазии: ноги какого-то существа переходят в нечто древесное, отросток которого, в свою очередь, предстает самостоятельным созданием на лапках. Во всем этом есть сюрреалистичность, как и в том, что люди, чем бы ни занимались, обычно голые. «Сидим за партами без трусов. Но и учитель тоже голый». Стол среди города, за ним голая женщина шьет или сидит с бутылкой голый мужчина. Вероятно, это желание дать голую сущность вещей. Одежда как шелуха, как знак несущественных различий здесь лишняя. Зато предстает самостоятельным персонажем: пальто стоит пустое, без ног и рук владельца. Григорьев постоянно разъединяет связанное и соединяет разрозненное.

Часто на одном листе помещено несколько рисунков, иногда один и тот же объект на разных ступенях его преобразования; или несвязанные мотивы, что можно объяснить практически: торопливостью, недостатком бумаги. Но, может быть, совмещать было его способом мыслить. Десятки композиций, где собрано все: люди – взрослые и дети, черепа, маски, противогазы, части тел, животные, растения, предметы, дома, транспортные средства, клубы дыма из труб и пар из чайников, просто пересекающие линии – все густо заполняет лист. Изредка указано или определимо конкретное место: коммунальная кухня, рынок, баня, хоккейное поле. Но обычно собранное кажется ничем не объединенным, это словно само мироздание. Впечатление верчения или броуновского движения. Все смешалось, в одной и той же композиции меняются местами верх и низ, горизонтальность и вертикальность; одна линия, одна голова или рука может принадлежать одновременно разным телам; фигуры и объекты перекрывают друг друга, но рисунок просвечивающий, перекрытое видно. Смещены масштабы: на лезвиях ножниц сидят люди, злой гигант пытается эти ножницы сложить; грушу в половину своего роста ест человек; к чайнику приставлена лестница, по ней кто-то поднимается; в унитазе, как в большой комнате, сидят люди. Люди, как уже сказано, обычно голые, часто лишь обозначенные, иногда довольствуется небрежным кружком головы. Они в сложных положениях – перевернутые, свергающиеся вниз, поверженные, сваленные кучей. Кто-то замахивается кувалдой, чтобы нанести удар, кто-то скрючился, его получив. Кроме агрессии, каверз жизни, есть занятия мирные: тут играют на музыкальных инструментах, бегают с сачком, плывут в лодке, танцуют, спят, моют ребенка. Мальчик сидит на облаке, другой поднимается по приставленной к облаку лестнице. Есть крылатые люди, не обязательно ангелы: «Как у крупной птицы отрастил я крылья».

Случается, композиция не столь запутана и обретает острую метафорическую выразительность – гигантская свалка, но не столько вещей, сколько крохотных человеческих тел или только голов, вещи над ними возвышаются.

Выразительность работ Григорьева – не экспрессия как передача эмоционального перевозбуждения, достигаемая усилением цвета, жеста, деформацией формы, – но сила и своеобычность его образности.

Человек засунул собственную голову в мясорубку, ручку которой крутит, – жестокая притча. Кажется, в таких фантазиях особенно остро выразился его взгляд на мир.

Он улавливает и выявляет выразительность реальности, уличающую жестокость жизни: дерево, у которого все признаки дряхлости, так что за него больно, рыба голова с пронзительным живым взглядом, мёртвая голова ошипанной курицы.

И так же, как среди его жестких эпических стихов вдруг попадается пронзительно-лирическая строчка, среди акварелей с жёстким цветом вдруг обнаруживаются мягкий, проникновенный пейзаж. Туман в лесу. Пейзаж с мостом. Нежный Олег Григорьев.